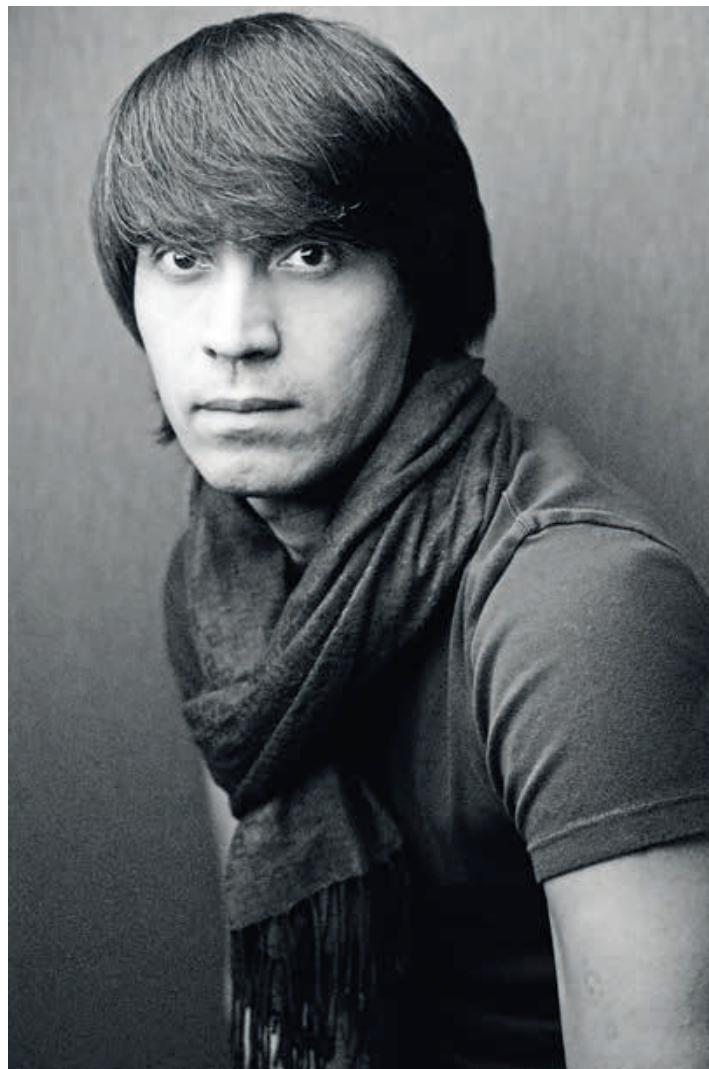

«НА МОЕЙ ВЫСТАВКЕ В МУЗЕЯХ КРЕМЛЯ БУДЕТ МНОГО НОВЫХ РАБОТ» ИЛЬГИЗ ФАЗУЛЗЯНОВ, ЮВЕЛИР, ОСНОВАТЕЛЬ ILGIZ F.

Как случилось, что вы занялись ювелирным делом?

Я окончил Казанское художественное училище в 1980-х, тогда профессии дизайнер у нас не существовало, я был «художником-оформителем», но учили нас именно дизайну. Занятия — теория, а потом практика — длились весь день. У нас были потрясающие педагоги! Один из них основал творческий союз, и я занимался там батиком и художественным витражом. Но совсем не потому, что мне страстно этого хотелось. Просто нужны были специалисты в батике и витраже — и мы освоили эти занятия, причем на очень высоком уровне. Драгоценных дел мастером я тоже стал совершенно случайно. Набирали трех человек для обучения ювелирному искусству в рамках программы возрождения искусств и ремесел и по совершенно непонятной мне причине отправили в Душанбе. Я позвонил в компанию, которая занималась проектом, набор был уже окончен, но меня взяли четвертым, и в 1992 году я уехал в Таджикистан. Нас привезли в кишлак к известному национальному ювелиру: на первом этаже дома была его мастерская, на втором — ткали ковры. Долго мы там не задержались: меня чуть было не женили насильно, пришлось, кроме шуток, убежать в ночи. Уже из Душанбе мы позвонили в компанию, которая нас отправила на стажировку, и нас определили в ювелирную мастерскую. Там мы поработали дня три, а потом начались беспорядки в Душанбе. Нам пришлось работать грузчиками, чтобы выбраться из города. А когда я вернулся в Казань, мне начали заказывать украшения и приносить их на ремонт — все же знали, что я уезжал учиться на ювелира! Хотя тогда я и порванную цепочку не знал, как спаять, но признать, что я чего-то не умею, я не мог, пришлось учиться. Было тяжело: приходилось браться за любую работу, даже ремонтировать фасад здания своей родной школы, чтобы по вечерам учиться ювелирному делу. И уже в 1994 году я взял первую премию на фестивале прикладного искусства мусульманских стран, проводимом в Пакистане под эгидой ЮНЕСКО.

Чему было тяжелее всего научиться?

Была такая одержимость, что получалось все. Многие ювелиры сейчас говорят, что, если бы у меня было классическое ювелирное образование, я не смог

— Кольцо «Карпы»

бы прийти к тому, что сейчас делаю. Появились бы рамки. Тогда я воплощал в жизнь любую свою идею, не задумываясь, возможно ли это. Первую коллекцию украшений с эмалью я сделал в 1996 году. Оставалось всего несколько месяцев до выставки во Франции, в Пуатье, в которой меня пригласили участвовать, она должна была открыться в марте, а в конце января один знакомый привез из Москвы эмали и в двух словах объяснил, как с ними работают. Я подумал, что у меня есть опыт работы с витражами, почему бы не попробовать эмаль? Тем более мне всегда не хватало цвета в украшениях, тогда я еще делал традиционные национальные вещи, отсылавшие к культуре волжских булгар. И вот я попробовал поработать с эмалью, и мне невероятно понравилось: за январь—март я создал совершенно новую коллекцию и привез во Францию только ее. До сих пор эмаль занимает одно из главных мест в моих украшениях. Причем сейчас, когда я смотрю на свои старые работы, я иногда не понимаю, как мне вообще удалось это сделать. Был у меня, например, браслет, целиком покрытый эмалью. Сейчас мой опыт говорит, что невозможно такой сделать, но сделал же!

Эмаль обращает на себя внимание в ваших украшениях, а что еще определяет стиль Ilgiz F.?

Дизайн, который можно назвать современным ар-нуво и ар-деко. Но это условное определение, конечно.

Когда-то я опирался на произведения таких мастеров, как Лалик, Вевер, Фуке, — вообще на французскую школу, но сейчас, полагаю, во многих технологиях я превзошел их. И это не бравада, просто технологии настолько шагнули вперед, что стыдно было бы делать хуже. Сейчас есть 3D-моделирование, резьба по воску сменила лепку, появилась лазерная сварка и так далее, поэтому и возможностей больше. Во времена Лалика, например, витражная эмаль была шириной не меньше 2–2,5 мм, а сейчас я могу сделать ее миллиметровой и применять в деталях сложной конфигурации — и все это рассчитать.

Говоря о том, какие созданные мной украшения я считаю определяющими мой стиль, не могу не упомянуть кольца. Почти каждое из них рассказывает историю. Раньше сложные сюжеты доверяли украшениям крупных форм — тем же брошам. Подобные кольца были редкостью, а у меня почти каждое из них — история. Кстати, немного обидно, что сейчас не носят таких крупных украшений, как раньше. В Музее Галуста Гюльбенкяна, например, есть потрясающая брошь-стрекоза Лалика, сейчас таких просто не делают! И это во мно-